

Акакий Акакиевич, осторожно вытащив из-за двери краешек своей новой шинели, с блаженной улыбкой умиления принял разглядывать ее, нежно прикасаясь пальцами к белой добротной ткани. Потом снова спрятал, будто оттягивая счастливый момент. И вот, наконец, надел, словно священное, утонул, позабыв обо всем на свете, в роскошной,

«ПРОПАЛА

мягкой белизне. Но вдруг взгляд его упал на старую шинель, сиротливо висящую на крюке гвозде. Башмачкин смущился и, сбивчиво извиняясь, благодарно прижал ее к себе, а она, ставшая от времени тонкой, как бумага, жалобно захрустела в его руках. Простишись и еще раз виновато посмотрев на свою состарившуюся «верную подругу», он с неудержимой страстью бросился к новой. Закружились, замелькали в бурном танце белоснежные полы шинели, и засияло ласково счастливой улыбкой лицо Акакия Акакиевича.

«Башмачкин» (по повести Н. В. Гоголя «Шинель») — вторая работа актера Александра Феклистова в агентстве «Богис» (художественный руководитель агентства — Галина Боголюбова). Первая — «Нижинский» в дуэте с Олегом Меньшиковым. В нынешней постановке оба они, а также Алексей Бурыкин и Игорь Золотовицкий представлены в программке как «сочинители спектакля». И сама программа «сочинена» весьма изобретательно. Зрителям вручается пакет с сургучной печатью, на кой надпись: «Российская империя, г. Санкт-Петербург. Титулярный советник Башмачкин. Департамент № ...». А внутри — счет, написанный каллиграфическим почерком и содержащий информацию о том, что «при заказе одежды требуются меры: 1 — от шага до пола, 2 — от талии с бока... Для шинели: от затылка до полу». Стоит же

«шинель камлотовая — 35 и 40 руб.»

В отличие от дуэтного «Нижинского», в «Башмачкине» А. Феклистов выступает соло. Моножанр, оставляя актера один на один со зрителем, наверное, как никакой другой, требует мобилизации фантазии, изобретательности, способности владеть залом и сценической площадкой в от-

просторно, то его рабочее место в департаменте скорее напоминает карцер. Бедный титулярный советник еле умещается в узком проеме, прижатый к стенке, упирающейся ему в грудь доской — столом. Вокруг него вдруг начинает двигаться множество ящиков, из которых бойко высекают бумаги, сначала медленно, потом все быстрее и быстрее.

бы в воображении Башмачкина, и это тоже своеобразное решение проблемы партнера в моноспектакле. Красочным калейдоскопом мелькают эпизоды грядущего триумфа титулярного советника. Вот он кивает кому-то, победно улыбаясь и наслаждаясь тем эффектом, какой производит на окружающих его обновка. Вот кому-то представляется, важно и

уверенно, чувствуя себя равным среди равных. С горящими от восторга глазами Башмачкин то вскакивает на сундук, то стремительно спрыгивает вниз, в волнении бегая по комнате. Но вдруг неожиданно стихает, и как-то неволко скавшись, сворачивается калачиком на узкой лежанке.

Очнувшись от своих сладких мечтаний, Акакий Акакиевич на-

чиает напряженно и деловито просчитывать свои расходы, раздясь каждой найденной возможности сэкономить. Погасив свечи, он учится различать предметы на ощупь, «изгоняет» самовар, изобретает особую походку, чтобы не снашивались подошвы, судорожно считает деньги, выссыпаные из птицы-копилки, и все твердит: «мало, мало, мало».

Жизнь, превратившаяся в выживание, нищенство, ставшее нормой. Загнанный в угол человек, для которого покупка элементарно необходимого оказывается событием вселенского масштаба. Сегодня актуальность голевского сюжета в комментариях не нуждается.

Но вот, наконец, свершилось! Башмачкин облачился в новую шинель и впервые почувствовал себя равным, «своим» не только в мире вещей убогой крошечной комнаты. Вешая свою шинель рядом с другими, огромными, солидными, важными, забытый титулярный советник словно берет реванш: он принят в обществе. Шинель — пропуск в закрытый для него ранее мир. Под торжественно бравурную музыку (композитор Егор Высоцкий) Башмачкин энергично раскладывается, уцепившись за одну из громадных шинелей, поднимается по ней все выше и выше, переполненный счастливым чувством полноправного присутствия в этой жизни. И вдруг замирает в полете, как в стоп-карде с застывшей маской ужаса на лице. Вместо праздничных, победных аккордов — щемящий звук чего-то разбившегося вдребезги.

Разбиты мечты титулярного советника: украдена не шинель, а надежда на право чувствовать себя человеком. Исчезла не часть гардероба, а живое существо, ставшее любимым и родным. «Пропала шинель, такая дородная, как барышня...» Для Башмачкина-Феклистова это равнозначно чеховскому «пропала жизнь».

Марина ГАЕВСКАЯ.

Фото Николая Звягинцева.

“Экран и сцена” 17-24 марта 1994 года